

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В. П. Золотарева¹

Московский политехнический университет
(Москва, Россия)

О. Н. Емельянова²

ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН
(Москва, Россия)

УДК: 336.711.65

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОВ МОДЕЛИ «ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ» РОССИИ И ЯПОНИИ

В статье приведена авторская классификация типов модели «догоняющей модернизации», характерных для России и Японии начального этапа ускорения индустриального развития. Выявлены и охарактеризованы общие черты, присущие «государственно-национальной» модели (Япония) и модели «наименьшего сопротивления» (Россия), а также проведен их сравнительный анализ. Особое внимание уделено страновым особенностям, оказавшим огромное влияние на формирование национальных типов модели «догоняющей модернизации» и их практическую реализацию. Отмечается роль государства, традиционно сильная в России и Японии, и прослеживается ее изменение в процессе «догоняющей модернизации». Анализируется степень влияния эндогенных и экзогенных факторов на осуществление масштабной трансформации российской и японской хозяйственных систем. Делается вывод о том, что развитие национальных экономик рассматриваемых стран, явилось закономерным результатом и отражением их типов модели «догоняющей модернизации».

Ключевые слова: «догоняющая модернизация», модель «наименьшего сопротивления», «государственно-национальная» модель, Япония, Россия.

Цитировать статью: Золотарева В. П., Емельянова О. Н. Сравнительный анализ типов модели «догоняющей модернизации» России и Японии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2020. — № 3. — С. 126–140.

¹ Золотарева Вера Петровна — к.э.н., доцент, Московский политехнический университет, e-mail: zolotareva2005@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0974-8723.

² Емельянова Олеся Николаевна — к.э.н., научный сотрудник ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, e-mail: emelianovalesia@hotmail.com, ORCID: 0000-0002-6137-9734.

V. P. Zolotareva
Moscow Polytechnic University
(Moscow, Russia)
O. N. Emelyanova
IMEMO RAN
(Moscow, Russia)
JEL: G28, G23

COMPARATIVE ANALYSIS OF “CATCH-UP MODERNIZATION” MODELS IN RUSSIA AND JAPAN

The article presents the author's classification of the “catching-up modernization” models typical for Russia and Japan at the initial stage of acceleration of industrial development. The common features of the “state-national” model (Japan) and the “least resistance” model (Russia) are identified and characterized, and their comparative analysis is carried out. Particular attention is paid to the country features that have had a huge impact on the formation of national types of “catch-up modernization” model and their practical implementation. The role of the state, traditionally strong in Russia and Japan, is noted, and its change in the process of “catching up modernization” is traced. The degree of influence of endogenous and exogenous factors on the implementation of large-scale transformation of Russian and Japanese economic systems is analyzed. It is concluded that the development of national economies of the countries under consideration was a natural result and reflection of their types of the model of “catching-up modernization”.

Keywords: “catching up modernization”, the model of “least resistance”, “state-national” model, Japan, Russia.

To cite this document: Zolotareva V. P., Emelyanova O. N. (2020) Comparative analysis of “catch-up modernization” models in Russia and Japan. Moscow University Economic Bulletin, (3), 126–140.

Введение

Актуальность данной темы для современной экономической науки определяется возможностью сформировать представление о наиболее эффективном направлении развития хозяйственных систем в рамках различных типов модернизационной модели. Статья посвящена их сопоставлению на примере таких стран «первой волны» модернизации, как Россия и Япония, в исторический период производимых преобразований со второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны.

Следует отметить значительный интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей к анализу данного периода в ракурсе модернизационной парадигмы, что обусловлено масштабностью и радикально-

стью произведенных преобразований хозяйственных систем указанных стран¹. В научной литературе имеются также попытки выявления типов модели «догоняющей модернизации» рассматриваемых государств и описание исторического опыта модернизации их национальных экономик². Однако сравнительный анализ типов модернизационной модели России и Японии начального этапа ускоренной индустриализации не проводился, и данное исследование направлено на восполнение этого пробела. Такая постановка вопроса позволит не только выделить системные основы процесса «догоняющей модернизации», но и по-иному взглянуть на приоритетные задачи модернизации современной экономики.

¹ Алексеев В. А. Роль государства в региональной модели модернизации имперской России // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 4 (45); Верниченко М. А. Об особенностях российской модернизации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 8; Вишневский А. Г. Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь? // Мир России: Социология, этнология. — 2012. — Т. 11. — № 3; Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. — М.: Дело, 2015; Лебедева И. П. Роль государства в экономической модернизации // Япония: опыт модернизации. — М.: АИРО-XXI, 2011; Погребинская В. А. Основные противоречия «догоняющей модели развития» (сравнительный анализ периодов конца XIX — начала XX века с кондом XX — началом XXI века) // Сб. ст. «Историко-экономический альманах». — М.: Академический проект, 2007; Rosovsky H. Japan's transition to the modern economic growth, 1868–1885 // Industrialization in two systems: Essays in Honor of Alexander Gerschenkron. — New York: John Wiley & Sons, 1966; Wayne Merry E. The Crisis of Russian Modernisation (URL: <https://www.open-democracy.net/od-russia/wayne-merry/crisis-of-russian-modernisation>); Кавакацу Хэйта. Нихон буммэй то киндай сэйё (Японская цивилизация и западный мир нового времени). — Токио: Нихон хосо сюппан кёкай, 1995; Кадзиниси Мицухая. Нихон сихон сюги но сэйрицу (Становление японского капитализма). — Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1970. 1–2 т.; Кобаяси Масааки. Нихон но когёка то кангёхараисагэ (Японская индустриализация и приватизация государственной промышленной собственности). — Токио: Тоёкэй дзай симпози, 1977; Накамура Такафуса. Сэндзэнки нихон кэйдзай-но бунсэцу (Анализ экономики довоенной Японии). — Токио: Иванами сётэн, 1971; Нихон кэйдзай-си. Сангёка-но дзидай (История экономики Японии. Эпоха индустриализации). Т. 3–4. — Токио: Иванами сётэн, 1990 и др.

² Дроздов В. В., Погребинская В. А., Золотарева В. П. Эволюция моделей догоняющей модернизации России во второй половине XIX — начале XXI в. // Федерализм. — 2018. — № 4; Дружинин Н. Л., Мисько О. Н. Модернизация национальной экономики: исторический опыт Франции и Японии // Вест. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика — СПб., 2009. — Вып. 2; Емельянова О. Н. Опыт догоняющего развития: промышленная политика в Японии (1870–1880 гг.) // Проблемы современной экономики. — 2017. — № 3; Золотарева В. П. Особенности модели «догоняющего развития» в России на рубеже XIX–XX вв. // Горизонты экономики. — 2016. — № 3 (29); Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. О японском типе модернизации // Япония: опыт модернизации. — М.: АИРО-XXI, 2011; Оцука Хисао. Киндайка-но рэкиситэки китэн (Поворотный момент в истории модернизации). — Токио: Гакусэй сёбо, 1947; Тэраниси Дзюро. Нихон-но кэйдзайси сутэму (Экономическая система Японии). — Токио: Иванами сётэн, 2003; Сайто Осаму. Хикаку кэйдзай хаттэнрон — Рэкиси тэкиа пуроти (Сравнительная теория экономического развития — Исторический подход). — Токио: Иванами сётэн, 2008 и др.

«Догоняющая модернизация» России и Японии: общее и особенное

Анализ процесса «догоняющей модернизации» России и Японии во второй половине XIX — начале XX в. позволяет с определенной долей условности выделить общие черты их моделей, к основным из которых следует отнести:

- ведущую роль государства в осуществлении кардинальных изменений хозяйственной системы;
- масштабность, многоаспектность и короткий временной лаг преобразований;
- зависимость от внешних факторов;
- ярко выраженный военно-политический характер модернизационных процессов, что проявилось в опережающем развитии предприятий оборонной промышленности и сопряженных с ними отраслей;
- ускоренное формирование финансовой и коммуникационной инфраструктуры (транспорта, связи);
- проявление зависимости от инвестиционного, технологического и технического монополизма других более развитых государств;
- расширение инвестиционной базы «догоняющей модернизации», в том числе за счет привлечения иностранного капитала как внешнего источника инвестиций и аграрных и торговых капиталов как важнейших внутренних источников инвестиций;
- ускоренный процесс монополизации с целью создания современной базы индустриальной экономики;
- внешнеэкономическую экспансию;
- проведение модернизации сферы образования.

Однако проявились и существенные особенности протекания модернизационных процессов, что обусловило формирование различных типов модели «догоняющей модернизации». Так, если для России была характерна модель «наименьшего сопротивления», то для Японии — «государственно-национальная» модель [Золотарева, 2016, с. 33–41].

Определяющими чертами российской модели «наименьшего сопротивления» являются следующие:

- дальнейшее усиление роли государства, приоритетом экономической политики которого становится направление как отечественных, так и иностранных капиталов в протектируемые им сферы;
- сочетание рыночных методов финансирования индустриального развития с архаичной системой самофинансирования и ростовщичеством, что не только замедлило развитие национальной кредитной системы, снижая потребность в ней, но и выразилось в существовании «параллельной экономики»;

- распространение «догоняющей» модернизации «вширь», которое повлекло за собой такие явления, как «очаговая индустриализация» и эффект «масштаба территорий»;
- внутренняя колонизация, позволяющая распространять устаревшие экономические отношения на новые слаборазвитые территории вместо их трансформации в ответ на усиление конкурентной борьбы на старых рынках;
- «ленность» отечественного капитала, не желающего рисковать и выбирающего отрасли экономики, протектируемые государством, или идущего по пути рантье́ства [Дроздов и др., 2018, с. 184—185; Золотарева, 2016, с. 7—10].

Характерными чертами «государственно-национальной» модели, присущей Японии начального этапа «догоняющей модернизации», были:

- укрепление власти центрального правительства путем реализации административной и финансовой реформ с целью расширения возможностей для проведения ускоренной индустриализации;
- жесткое государственное регулирование в форме разработки и реализации специальных программ по формированию государственных предприятий в стратегически важных для индустриализации отраслях;
- государственная поддержка формирования новых экономических институтов, в том числе финансовых;
- процесс передачи части государственного имущества в руки частного капитала в форме приватизации нестратегических отраслей индустриальной промышленности;
- государственное стимулирование развития частного индустриального сектора как базы для дальнейшей индустриализации [Золотарева, 2016, с. 33—41; Емельянова, 2017, с. 234—240].

Сравнительный анализ «догоняющей модернизации» России и Японии в рамках сформировавшихся типов модернизационной модели потребовал выявления роли государства в этом процессе, определения особенностей трансформации финансовых институтов и финансирования «догоняющей модернизации», исследования концентрации производства и капитала и степени монополизации ведущих отраслей промышленности, выявления влияния внешнеэкономических факторов и образовательной модернизации.

Так, при традиционно высокой роли государства в развитии хозяйственных систем этих стран в России в процессе «догоняющей модернизации» правительство расширило применение системы государственного протекционизма. Этому способствовало расширение государственного предпринимательства, функционирование сильного государственного сектора в промышленности и на транспорте, привязка значительного числа частных производителей к государству при помощи казенных заказов, проведение политики внешнеторгового протекционизма. Объективной

основой увеличения роли государства в «догоняющей модернизации» было то, что оно являлось крупнейшим собственником: ему принадлежало 1/3 земельного фонда страны, 2/3 лесов, 2/3 железных дорог, 7/8 телеграфа, большое количество промышленных предприятий.

Одним из отрицательных последствий подобной политики явилось ослабление рыночного механизма, проявившееся в нежелании отечественного бизнеса конкурировать с корпорациями передовых стран, занимая ниши в сферах протектирования государства и в отраслях с меньшей капиталоемкостью, более быстрой окупаемостью и соответственно с меньшими рисками, что можно охарактеризовать как выбор пути «наименьшего сопротивления».

Однако в целом Россия, широко используя государственный протекционизм, сумела создать благоприятные условия для развития национальной хозяйственной системы, продемонстрировав положительные результаты: в 1870–1913 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства в России составляли 5% и были самыми высокими в Европе [Красильщиков, 1998, с. 38].

Трансформация японской хозяйственной системы в рамках «государственно-национальной» модели в рассматриваемый хронологический период также носила управляемый со стороны государства характер. Ключевыми факторами этого процесса стали централизация и усиление власти, способной консолидировать все ресурсы страны для решения задач «догоняющей модернизации». Высокую роль государства в развитии японской экономики в этот период отражают данные статистики. Так, если номинальный ВВП Японии за 30 лет увеличился в 4,7 раза и составил в 1910 г. 3 млрд 925 млн иен, то государственные расходы за это время увеличились в 16,4 раза и составили в 1910 г. 38% от ВВП [Исии Кандзи, 2006, с. 193].

Однако для Японии было характерно постепенное снижение определяющей роли государства, которое сохранило за собой лишь роль регулятора и контролера. Если в 70–80-е гг. XIX в. роль государства в экономике была ведущей, то как только основы новой хозяйственной системы были заложены и обнаружился частные игроки, способные развивать самостоятельную экономическую деятельность, японское государство изменило характер экономической политики, передавая инициативу в руки частного капитала, оставляя полный контроль только над стратегическими отраслями промышленности.

Правильность подобного подхода подтверждают достигнутые экономические показатели. По различным расчетам, промышленный рост в Японии в период с 1874 по 1905 г. составлял от 3,8 до 4,53%, превышая средние показатели роста ВВП (2,6%) и сельскохозяйственной продукции (1,7%) за тот же период. [Накамура Такафуса, 1993, с. 207–208, 211–213]. Следует отметить и удвоение капиталовложений в промышленность в период с 1905 до 1912 г. [Ота Ёсиюки, 1997, с. 156].

Кроме того, с 1885 по 1910 г. произошел рост объема произведенной продукции по всем отраслям примерно в 4,5 раза (с 750 млн иен до 3 млрд 448 млн иен). Быстрыми темпами росло промышленное производство, в первую очередь в обрабатывающих отраслях, в которых за этот же период отмечен рост более чем в 8 раз (с 80 млн иен до 660 млн иен), а также произошло увеличение их доли в общем объеме внутреннего производства с 10,7 до 19,1% [Кингэндай нихон кэйдзайси ёран (Статистический справочник по экономической истории Японии), 2010, с. 9].

Масштабность экономических преобразований потребовала ускоренного формирования современных финансовых институтов и, в частности, кредитно-банковской системы, а также мобилизации старых и поиск новых источников инвестиций, потребность в которых многократно возросла.

Особенностью России было то, что долгое время наблюдалось сосуществование современных методов финансирования с архаичными системами самофинансирования и ростовщичества, что объективно снижало потребность в развитии национальной кредитной системы. Широкое распространение система самофинансирования имела в старых отраслях российской промышленности [Петров, 1989, с. 111]. Свидетельством ее огромных возможностей стал процесс акционирования, который прошел в 1870—1880-е гг. в текстильной промышленности Центрального района, в основном без привлечения капиталов со стороны. Ростовщичество было широко распространено в Сибири, где в роли кредиторов выступали представители торгового капитала [Хроленок, 1990, с. 96].

В России в решении проблемы массового притока инвестиционных ресурсов особую роль сыграло государство, увеличив свое участие как важнейшего инвестора. На долю казначейских капиталов в 1912 г. приходилось около 20% всех инвестиций в российскую экономику, в отдельных отраслях которой государственный заказ достигал 30—40% [Лапина, Лелюхина, 2001, с. 219—220].

Кроме того, в структуре источников инвестиционных ресурсов произошло увеличение доли государственных займов. Рассматривая внешнее заимствование как инвестиционный ресурс, следует отметить, что вплоть до 1890-х гг. внешние займы составляли меньшую часть государственной задолженности России, но уже к 1895 г. они достигли порядка 1,7 млрд руб., составив 30% всего государственного долга.

Преимущественно аграрный характер экономики России предопределил упор на аграрный сектор как инвестиционную базу «догоняющей модернизации». В первую очередь это были поступления от внешней торговли сельскохозяйственной продукцией. Так, экспорт хлебных продуктов за период с 1899 по 1913 г. увеличился на 146% [Лященко, 1948, с. 389]. Во-вторых, в структуре поступающих «аграрных» капиталов необходимо выделить появление такого нового источника, как выкупные платежи, значительная часть которых была инвестирована в строительство желез-

ных дорог, промышленные предприятия, акционерный капитал, отложена в банках [Лященко, 1948, с.14].

Важную роль в мобилизации частных сбережений с использованием кредитной системы в России сыграли сберегательные кассы. Только за период 1880—1900 гг. общий размер вкладов в них возрос с 4,4 млн руб. до 661,9 млн руб. [Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс, 1912, с. 34].

Однако, успешно проводя аккумуляцию мелких капиталов населения благодаря широкому развитию сберегательного дела, правительству не удалось их массово перенаправить из кредитной системы в реальную экономику. Кроме того, население России, увеличивая норму накопления, концентрировало капиталы в кредитной системе, идя по пути рантье́рства.

К новым источникам инвестиционных ресурсов «догоняющей модернизации» России следует отнести «нефтяные» капиталы, послужившие мультипликатором экономического роста не только в нефтяной промышленности, но и в сопряженных отраслях.

Произошло и широкое привлечение иностранных капиталов в русскую промышленность, достигшее к 1914 г. 567 млн руб., что составило 20% промышленности акционерных капиталов [Струмилин, 1930, с. 71].

В Японии фактически отсутствовали современные финансовые институты, что привело в 1880-е гг. к необходимости формирования кредитно-банковской системы с использованием зарубежного опыта. Таким образом японская экономика не была обременена финансовыми институтами, которые, будучи неэффективными, старались бы сохранять свое монопольное право на рынке финансовых ресурсов.

Формирование японской банковской системы позволило не только аккумулировать капитал, но и направить его на выдачу кредитов, в том числе используемых для развития промышленности. Отмена в 1895 г. закона об ограничении выдачи кредита одному заемщику на сумму, превышающую 10% от капитала банка, позволила промышленным предприятиям и холдингам открывать свои собственные банки для самостоятельного ведения всех финансовых потоков.

К 1899 г. в Японии была сформирована устойчивая система коммерческих банков, а в 1911 г. уже было зарегистрировано 1626 коммерческих банков, из которых 13 были банками крупнейших финансово-промышленных групп (*синдзикэтодан гинко*), ставших локомотивом развития японской промышленности. На их долю приходилось 22% от всей суммы банковского акционерного капитала в стране, 18% от совокупного объема депозитов, 15% от совокупного объема ссудного капитала, 34% от всего объема банковских ценных бумаг [Статистический справочник по экономической истории Японии (Кингэндай нихон кэйдзайси ёран), 2010, с. 89].

Основными источниками финансирования «догоняющей модернизации» Японии стали бюджетные средства, формировавшиеся в основном

за счет поступлений от поземельного налога, внутренние займы, а также традиционно невысокий уровень потребления основной массы населения, позволивший увеличить норму накопления.

Несмотря на разные оценки доли поземельного налога, введенного в 1873 г., в совокупном доходе государства от сбора налогов в последней трети XIX в. (от 67 до 85%), очевидно, что поземельный налог являлся основным источником бюджетных средств Японии.

Важным источником стали и внутренние займы, к внешним заимствованиям Япония в отличие от России в исследуемый период практически не прибегала. Правительство Мэйдзи до 1897 г. только дважды воспользовалось внешними кредитами для решения экономических проблем: в 1872 г. на строительство железной дороги Йокогама—Токио (913 тыс. фунтов стерлингов, был выплачен в 1881 г.) и в 1873 г. на проведение земельной реформы (2400 млн фунтов стерлингов, был выплачен в 1897 г.). В большем объеме к заимствованиям японское правительство начало прибегать с 1897 г., однако это было связано не с промышленным финансированием, а с ведением военных действий, сначала в Китае, а потом с Россией.

Значительное позитивное влияние на процесс индустриализации страны в 80-е гг. XIX в. стали оказывать внешнеторговые капиталы. Существующие мировые рынки в последней трети XIX в. были крайне актуальны для японских товаров, поэтому Япония пошла по пути быстрого наращивания объемов международной торговли как со странами Запада, так и со странами Азии. Однако даже к концу XIX в. она продолжала оставаться экспортером товаров неиндустриального типа (шелк, чай, хлопок, рис).

Одним из базовых элементов механизма «догоняющей модернизации» является ускоренная монополизация. Так, Россия в рассматриваемый период продемонстрировала чрезвычайно высокую степень концентрации производства в промышленности при относительно низком уровне концентрации производства в экономике в целом. Концентрация и централизация капитала выражались в интенсивном акционерном учредительстве: доля акционерных капиталов в основном капитале фабрично-заводской промышленности возросла с 48% в 1885 г. до 73% в 1913 г. [Струмилин, 1930, с. 69].

Ускорение процесса монополизации проявилось и в быстром развитии монополий высшего типа, охвативших такие важнейшие отрасли российской промышленности, как каменноугольная, нефтяная, металлургическая, машиностроение, военная, производство строительных материалов и др.

Таким образом, в России процесс возникновения монополий охватил значительное число базовых отраслей экономики, превратив монополии в существенный фактор «догоняющей модернизации» и оказав огромное влияние на ход экономического развития.

Монополизация внесла важный вклад и в масштабные преобразования японской экономики. Быстрота протекания модернизационных процессов в хозяйственной системе Японии отразилась на ускорении концентрации и централизации капитала, заметную роль в этом сыграли разнообразные привилегии и выгодные (в основном военные) заказы, которые предоставлялись государством определенным фирмам. В результате в 1913 г. компании с капиталом свыше 5 млн иен составляли 0,4% от общего числа компаний, но на их долю приходилось 40% оплаченного капитала всех акционерных обществ [История Японии, 1998, с. 239; Певзнер, 1950].

Своеобразие японской монополизации проявилось в том, что вплоть до Первой мировой войны основными сферами деятельности таких компаний были кредитные и страховые операции, внешняя и внутренняя торговля, а также легкая промышленность. Что же касается тяжелой промышленности, то в сферу их контроля входили главным образом судостроение и горнодобывающая промышленность [Окадзаки Тэцудзи, 1999; Хасимото Дзюро, Такэда Харухито, 1992; Накагава Кэйитиро, 1969, с. 189–214].

Рассматривая внешнеэкономические факторы «догоняющей модернизации», следует обратить внимание на политику внешнеэкономической экспансии, проводимую Россией и Японией, одним из проявлений которой стал экспорт капиталов.

Россия, несмотря на собственные огромные потребности в капиталах, экспортировала как государственные, так и частные капиталы. Российские капиталы направлялись преимущественно в страны Азии, что привело к освоению новых рынков и территорий, а также к формированию финансовой зависимости ряда азиатских государств от России. На 1 января 1914 г. задолженность Китая составляла 300 млн руб., Персии — 62 млн руб., Внешней Монголии — 5 млн руб. [Вайнштейн, 1960, с. 434–444].

Экспорт японского капитала начался только с конца XIX в., после основания Корейского банка (1890 г.) и Тайваньского банка (1899 г.), которые были созданы по инициативе правительства для развития промышленных предприятий в Корее, Манчжурии и на Тайване.

Динамичность трансформационных процессов потребовала проведения ускоренной образовательной модернизации, масштабы и база которой имели значительные страновые различия. О важности проблемы для России свидетельствует статистика, по данным которой в России в 60-х гг. XIX в. высшее образование имели лишь 20 тыс. человек. Остро ощущалась и нехватка квалифицированных рабочих, подготовка которых упиралась в низкую грамотность населения, составлявшую в 1897 г. всего 21,1% [Рашин, 1956, с. 304].

Ликвидация массовой неграмотности населения и создание целой системы учебных заведений технического профиля привели к положительным сдвигам, и, согласно переписи 1897 г., высшее и среднее специальное образование в России имели уже 290 тыс. человек. Однако кон-

сервативное влияние государственного устройства, сословного деления и аристократических привилегий, ограничения по полу, национальности, вероисповеданию, а также слабое развитие региональной сети высших учебных заведений не позволяли удовлетворять в полной мере потребности в специалистах необходимой квалификации. Россия с точки зрения уровня образования и его масштабов продолжала отставать от ведущих стран мира. Более позднее начало образовательной модернизации не позволило ей не только сформировать интеллектуальный потенциал, необходимый для решения задач «догоняющей модернизации», но и использовать остальные ее преимущества.

Япония также столкнулась с необходимостью проведения образовательной модернизации, однако там уровень просвещения был весьма высок даже в сравнении с европейскими странами. Так, в эпоху Токугава примерно половина мужчин и около 15% женщин получали систематическое образование, причем оно было доступно представителям всех сословий. После реставрации процесс образовательной модернизации приобрел масштабный характер, затронувший все ступени образования: направление на обучение за границу, открытие средних и высших учебных заведений и др. [Верисоцкая, 1998; Прасол, 2002]. Таким образом, базой для ускоренного формирования интеллектуального потенциала Японии во многом послужили успехи предыдущих поколений в сфере образования, что позволило ей в короткие сроки провести индустриализацию страны.

Выводы

Острая дискуссия в научном сообществе об объективном состоянии современного мирового хозяйства и характере трансформационных изменений при формировании нового контура мировой экономики вызывает необходимость историко-экономических исследований и, в частности, сопоставительного анализ процесса «догоняющей модернизации» России и Японии.

Россия, осуществляя «догоняющую модернизацию» по модели «наименьшего сопротивления», сумела совершить прорыв в своем экономическом развитии. Однако успех был относительным, поскольку сохранялось значительное отставание России от ведущих стран по важнейшим социально-экономическим показателям. Так, если национальный доход Англии накануне Первой мировой войны составлял 10,9 млрд долл., Германии — 10,5 млрд долл., то России — 7,5 млрд долл. Показатели валовой продукции промышленности для этих стран составляли 9,0, 10,0 и 4,0 млрд долл. соответственно [Социально-экономическая история России, 2017, с.181].

Япония сумела в кратчайшие сроки провести индустриализацию консервативного типа, создав двухуровневую структуру промышленности:

традиционное производство, которое не было разрушено, и новый индустриальный сектор. Внутренней движущей силой японской индустриализации также выступило государство, которое по мере развития новых институтов ослабляло вмешательство, передавая инициативу в руки частного капитала.

Статистические данные свидетельствуют об успешности развития хозяйственной системы Японии. По расчетам японского исследователя Окава Кадзуси, номинальный ВВП Японии в 1913 г. составил 5 млрд 13 млн иен. При этом с 1885 по 1913 г. реальный ВВП страны вырос более чем в 2 раза [Кингэндай нихон кэйдзайси ёран (Статистический справочник по экономической истории Японии), 2010, с. 2]. По расчетам динамики среднедушевого ВВП, сделанным В. А. Мельянцевым, данный показатель в Японии с 1870 по 1913 г. увеличился почти в два раза. В обозначенный период времени это был один из ведущих показателей темпа экономического роста наряду с США, Италией и Германией [Мельянец, 1996, с. 102].

Накануне Первой мировой войны годовой рост реального ВВП в Японии составлял примерно 2,4% (подушевого ВВП — 1,3%). Сравнительный анализ показывает, что только в США темпы роста в это же время были существенно выше японских (4,6 и 2,5% соответственно), в Германии те же показатели были ненамного выше (2,7 и 1,6% соответственно), а в Англии — ниже (2,1 и 0,9% соответственно) [Накамура Такафуса, 1993, с. 207–208].

Если для России импульсом для ускорения преобразований послужила потеря военно-политического превосходства, то импульсом, побудившим Японию пойти по пути модернизации, стала возрастающая опасность колонизации. Однако реальный уровень угрозы национальной независимости Японии оказался гораздо ниже, предоставив «окно возможностей», которым она сумела распорядиться с пользой для своего экономического, в том числе индустриального, развития.

Следует подчеркнуть, что формирование и использование особых типов модели «догоняющей модернизации», отвечающих требованиям начального этапа индустриализации, позволили России и Японии провести в кратчайшие сроки модернизацию национальных экономик.

Как отмечает Б. Ю. Кагарлицкий, принципиальное различие заключалось в том, что Япония не была связана грузом прошлого и вошла в миросистему в тот самый момент, когда для нее возникли наиболее благоприятные условия. Таким образом, модернизация Японии оказалась уникальным случаем прорыва в миросистему «извне». Напротив, Россия была страной периферийной, хотя и достаточно развитой. А потому ее попытка «догнать» Запад не выходила за рамки общих правил игры, продиктованных миросистемой [Кагарлицкий, 2016, с. 303]. Все это отразили сфор-

мировавшиеся национальные типы модели «догоняющей модернизации» России и Японии.

Список литературы

1. *Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. — М.: Госстатиздат, 1960.
2. *Верисоцкая Е. В.* Общество и реформы образования в Японии на начальном этапе модернизации (1870–1880-е годы) // Известия Восточного института. — 1998. — С. 115–128.
3. *Дроздов В. В., Погребинская В. А., Золотарева В. П.* Эволюция моделей догоняющей модернизации России во второй половине XIX — начале XXI в. // Федерализм. — 2018. — № 4. — С. 184–191.
4. *Емельянова О. Н.* Опыт догоняющего развития: промышленная политика в Японии (1870–1880 гг.) // Проблемы современной экономики. — 2017. — № 3. — С. 234–240.
5. *Емельянова О. Н., Шербаков Д. А.* О характере и методах социально-экономических преобразований Японии в 60-х — 70-х годах XIX века // Япония наших дней. — 2012. — № 14. — С. 53–77.
6. *Золотарева В. П.* Особенности модели «догоняющего развития» в России на рубеже XIX–XX вв. // Горизонты экономики. — 2016. — № 3 (29). — С. 7–10.
7. *Золотарева В. П.* Типологизация моделей «догоняющего развития» в странах «второго эшелона капитализма» // Горизонты экономики. — 2016. — № 2 (28). — С. 33–41.
8. История Японии / под ред. А. Е. Жукова. Т. 2. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
9. *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя Россия и миросистема. — М.: Лепанд, 2016.
10. *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. — М.: РОССПЭН, 1998.
11. *Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д.* Государственная собственность в России: некоторые исторические уроки // Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В. А. Виноградова. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 216–223.
12. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. — М.: ОГИЗ, 1948.
13. *Мельянцева В. А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. — М.: Изд-во МГУ, 1996.
14. Очерк развития и деятельности государственных сберегательных касс. — СПб., 1912.
15. *Певзнер Я. А.* Монополистический капитал Японии. — М.: Изд-во АН СССР, 1950.
16. *Петров Ю. А.* Московская буржуазия и проблемы промышленного финансирования в конце XIX — начале XX в. // Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты: сб. науч. тр. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1989. — С. 108–128.
17. *Прасол А. Ф.* Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). — Владивосток: Дальнаука, 2002.
18. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. — М.: Госполитиздат, 1956.

19. Социально-экономическая история России / под ред. А. Г. Худокормова. — М.: НИЦ «Инфра-М», 2017.
20. *Струмилин С. Г.* Очерки советской экономики. — М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1930.
21. *Хроленок С. Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832—1917). — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.
22. *Исии Кандзи.* Нихон кэйдзай си (История экономики Японии). — Токио: Токио дайгаку сёппан кай, 2006.
23. *Кадзиниси Мицухая.* Нихон сихонсюги хаттацуси. Сангёсихон-но сэйрицу то хаттэн (История развития японского капитализма. Становление и развитие промышленного капитала). — Токио: Тоё кэйдзай симпоса, 1958.
24. Кингэн дайнихон кэйдзай сиёран (Статистический справочник по экономической истории Японии) / составители Мива Рёити и Хара Акира. — Токио, 2010.
25. *Накагава Кэйитиро.* Дайнидзи тайсэндзэн-но нихон ни окэру сангё кодзо то кигёса кацудо. Кансэцу кинью тайсэй то согосёся-о тусин (Структура промышленности и деятельность промышленников в Японии до Второй мировой войны. Система финансовых связей и торговые универсальные компании) // Мицуи бункорон со (Избранные статьи из собрания Мицуи). — 1969. — № 3. — С. 189—214.
26. *Накамура Такафуса.* Нихон кэйдзай (Экономика Японии). Т. 3. — Токио: Токио дайгаку сёппанкай, 1993.
27. *Окадзаки Тэцудзи.* Мотикабу кайся-но рэкиси — дзайбацу то кигё тотти (История холдинговых компаний — управление дзайбацу и промышленных предприятий). — Токио: Тикума Сингёсё, 1999.
28. *Ота Ёсиюки.* Нихон кэйдзай-но нисэннэн (Две тысячи лет японской экономики). — Токио: Кэйсёсёбё, 1997.
29. *Хасимото Дзюро, Такэда Харухито.* Нихон кэйдзай хаттэн то кигёсюдан (Развитие японской экономики и кэйрецу). — Токио: Токио дайгаку сёппанса, 1992.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Vajnshtejn A. L.* Narodnoe bogatstvo i narodnohozyajstvennoe nakoplenie pre-drevolyucionnoj Rossii. — М.: Gosstatizdat, 1960.
2. *Verisockaya E. V.* Obshchestvo i reform obrazovaniya v Yaponii na nachal'nom etape modernizacii (1870—1880-e gody) // Izvestiya Vostochnogo instituta. — 1998. — S. 115—128.
3. *Drozдов V. V., Pogrebinskaya V. A., Zolotareva V. P.* Evolyuciyamodeljdogonyayush-chejmodernizaciiRossiivostorjopolovine XIX — nachale XXI v. // Federalizm. — 2018. — № 4. — S. 184—191.
4. *Emel'yanova O. N.* Opyt dogonyayushchego razvitiya: promyshlennaya politika v Yaponii (1870—1880 gg.) // Problemy sovremennoj ekonomiki. — 2017. — № 3. — S. 234—240.
5. *Emel'yanova O. N., SHCHerbakov D. A.* O haraktere i metodah social'no-ekonom-icheskikh preobrazovanij Yaponii 60-h — 70-h godah XIX veka // Yaponiya nashih dnei. — 2012. — № 14. — S. 53—77.

6. *Zolotareva V. P.* Osobennostimodeli «dogonyayushchego razvitiya» v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. // *Gorizonty ekonomiki*. — 2016. — № 3 (29). — S. 7–10.
7. *Zolotareva V. P.* Tipologizatsiya modelej «dogonyayushchego razvitiya» v stranah «vtorogo eshelona kapitalizma» // *Gorizonty ekonomiki*. — 2016. — № 2 (28). — S. 33–41.
8. *Istoriya Yaponii* / Pod red. A. E. ZHukova. T. 2. — M.: Institut vostokovedeniya RAN, 1998.
9. *Kagarlickij B. YU.* Periferijnaya imperiya Rossiya i mirosistema. — M.: Lenand, 2016.
10. *Krasil'shchikov V. A.* Vdgonku za proshedshim vekom: Razvitie Rossii v XX veke s točki zreniya mirovyh modernizacij. — M.: ROSSPEN, 1998.
11. *Lapina S. N., Lelyuhina N. D.* Gosudarstvennaya sobstvennost' v Rossii: nekotorye istoricheskie uroki // *Sobstvennost' v HKH stoletii: K 80-letiyu akad. V. A. Vinogradova*. — M.: ROSSPEN, 2001. — S. 216–223.
12. *Lyashchenko P. I.* Istoriya narodnogo hozyajstva SSSR. T. 2. — M.: OGIZ, 1948.
13. *Mel'yansev V. A.* Vostok i Zapad vovtorom tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'. — M.: Izd-vo MGU, 1996.
14. Ocherk razvitiya i deyatel'nosti gosudarstvennyh sberegatel'nyh kass. — SPb., 1912.
15. *Pevzner YA. A.* Monopolisticheskij kapital Yaponii. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1950.
16. *Petrov YU. A.* Moskovskaya burzhuaziya i problem promyshlennogo finansirovaniya v konce XIX — nachale XX v. // *Reformy vtoroj poloviny 17–20 vv.: podgotovka, provedenie, rezul'taty: sb. nauch. tr.* — M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1989. — S. 108–128.
17. *Prasol A. F.* Yaponskoe obrazovanie v epohu Mejdzi (1868–1912). — Vladivostok: Dal'nauka, 2002.
18. *Rashin A. G.* Naselenie Rossiia 100 let (1811–1913 gg.): Stat. ocherki / pod red. akad. S. G. Strumilina. — M.: Gospolitizdat, 1956.
19. *Social'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii* / Pod red. A. G. Hudokormova. — M.: NIC «Infra-M», 2017.
20. *Strumilin S. G.* Ocherk isovetskoj ekonomiki. — M.: Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1930.
21. *Hrolenok S. F.* Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832–1917). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1990.
22. *Ishii Kanji.* Nihon keizaishi. — Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 2006.
23. *Kajinishi Mitsuhaya.* Nihon shihon shugi hattatsushi. Sangyo shihon-no seiritsu to hatten. — Tokyo: Toyo keizai shinposha, 1958.
24. *Kingendai nihon keizaishi yoran.* Ed. By Miva Ryoichi, Hara Akira. — Tokyo, 2010.
25. *Nakagawa Keiichiro.* Dainiji taisenzen no nihon ni okeru sangyo kozo to kigyosha katsudo. Kansetsu kin'yu taisai to sogoshosha-wo chushin // *Mitsui bunko ronso*. — 1969. — № 3. — S. 189–214.
26. *Nakamura Takafusa.* Nihon keizai. T. 3. — Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 1993.
27. *Okazaki Tetsuji.* Mochikabu kaisha-no rekishi — zaibatsuto kigyo tochi. — Tokyo: Chikuma shinshyo, 1999.
28. *Ota Yoshiyuki.* Nihon keizai no nisennen. — Tokyo: Keiso Shobo, 1997.
29. *Hashimoto Juro, Takeda Haruhito.* Nihon Keizai hatten to kigyoshudan. — Tokyo: Tokyo daigaku syuppansha, 1992.